

УДК 327(73:510)“2005/2008”

**ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ
В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БУША-МЛАДШЕГО:
СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО**

канд. ист. наук, доц. **А.П. КОСОВ**

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Рассматривается эволюция внешней политики США в отношении Китая в период второго президентства Дж. Буша-мл. Анализируются основные факторы и причины относительной успешности китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов Америки в 2005–2008 годах. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона. В первую очередь освещаются подходы американской администрации и Конгресса к Китаю. Характеризуются политическая и военно-политическая составляющие стратегического курса Вашингтона в отношении КНР. Рассмотрено торгово-экономическое взаимодействие, а также существующие проблемы между двумя государствами. Подчеркивается, что внешняя политика Соединенных Штатов в 2005–2008 годах довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые процессы и одновременно его сдерживания в военно-политической сфере. Делается вывод об относительной успешности внешней политики США на китайском направлении в рассматриваемый период.

Сегодня Китай привлекает к себе все более пристальное внимание Вашингтона. Прежде всего, это связано со стремительным подъемом политической, экономической и военной мощи, который демонстрирует КНР. Неудивительно, что к проблеме современных американо-китайских отношений обращаются многие эксперты. В первую очередь это американские исследователи: Ф. Бергстен, Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер, Д. Лэмптон, У. Оверхолт, Н. Фергюсон, А. Фридберг, Ч. Фримен и др.

Не отстают и китайские специалисты: Ван Сюедун, Ван Цзисы, Гуй Юнтао, Лю Миньфу, Лю Фуго, Пань Жуй, У Синьбо, У Цянь, Фу Мэнцзы, Хо Цзюнь, Цзянь Цзюньбо, Чжу Фэн и др.

Среди российских исследователей необходимо назвать Л.Г. Арешидзе, Ю.М. Галеновича, А.С. Давыдова, М.И. Крупянку, Я.В. Лексютину, А.В. Лукина, В.В. Михеева, О.А. Тимофеева, С.М. Труша и др.

К сожалению, в белорусской историографии специальных работ по данной проблематике практически нет. Исключение составляет лишь монография профессора А.М. Байчорова «Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке» (2013), одна из глав которой посвящена развитию отношений между КНР и США, и диссертационное исследование С.М. Витковского. Поэтому, на наш взгляд, рассмотрение китайской политики Вашингтона будет полезным для отечественной историографии.

Цель данного исследования заключается в раскрытии сущности внешней политики США на китайском направлении в период второго президентства Дж. Буша-мл. на основе выявления ее ведущих тенденций и особенностей. Для этого необходимо проследить основные подходы американского истеблишмента к вопросу американо-китайских отношений; показать внешнеполитические инициативы Вашингтона в отношении Китая; выявить факторы, содействовавшие сближению сторон и улучшению двусторонних отношений; определить факторы, обостряющие отношения США и КНР.

Основные подходы Вашингтона к взаимоотношениям с Пекином

Вторая администрация Дж. Буша-мл., приступившая к работе в январе 2005 года, продолжила на китайском направлении проводить прежний курс. В первую очередь, Вашингтон, увязавший в проблемах Большого Ближнего Востока, был намерен выстраивать отношения с КНР на конструктивной и прагматичной основе, обусловленные, с одной стороны, продолжавшимся подъемом Китая, а с другой – экономическими интересами самой Америки [1, р. 42]. При этом США пришлось учитывать имевшиеся в наличии противоречия и расхождения с Пекином по вопросам глобальной и региональной политики. Кроме того, Белому дому было необходимо принимать в расчет позицию Конгресса и настроения американской общественности, особенно в тех ситуациях, когда действия КНР не отвечали интересам американцев.

Как известно, в американском истеблишменте сформировалось два основных подхода к вопросу взаимоотношений с Китаем. Согласно первому из них государства, где преобладают демократические ценности, не могут быть враждебными, поскольку не будут стремиться отстаивать свои интересы с помощью силы. Поэтому необходимо всячески способствовать вовлечению Пекина в широкое международное сотрудничество на различных направлениях, что укрепит в китайском обществе влияние либеральных сил, выступающих за демократизацию существующей в КНР общественно-политической системы [2, с. 8]. Сторонники второго подхода предлагали рассматривать Китай как неизбежного соперника, в отношении которого Соединенные Штаты должны действовать соответствующим образом. В этой связи у многих в Вашингтоне присутствовало стремление укреплять существующую систему американских альянсов и блоков в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), которые стратегически ограничивают свободу действий Пекина как в данном регионе, так и за его пределами [2, с. 8].

Американо-китайское сотрудничество и американская политика вовлечения КНР

В период второго президентства Дж. Буша-мл. еще более расширились и углубились процессы институализации американо-китайского сотрудничества. Наряду с уже работавшими Американо-китайским диалогом по экономическому развитию и реформам, Диалогом по энергетической политике, Саммитами по безопасности потребительских товаров сторонами стали создаваться новые институциональные структуры. Так, в 2005 году начали свою работу Форум по глобальным проблемам между бюро глобальных инициатив госдепартамента и китайским МИД и Форум по здравоохранению между министерствами торговли и здравоохранения США и КНР [3, с. 110].

В Пекине 1 августа 2005 года состоялась первая встреча Американо-китайского стратегического общеполитического диалога, который впоследствии приобрел регулярный характер. В ходе его работы заместитель министра иностранных дел КНР Дай Бинго предложил заместителю госсекретаря США Р. Зеллику определить его как высокий стратегический диалог, однако американская сторона ответила отказом, сославшись на то, что подобный формат характерен только для отношений Вашингтона со своими ближайшими союзниками [3, с. 114]. Дело в том, что развитие двусторонних отношений американцы видели несколько иначе, нежели китайцы. Так, в сентябре 2005 года Р. Зеллик, выступая на заседании Национального комитета по американо-китайским отношениям, предложил КНР стать «ответственным акционером» современной (западноцентричной) международной системы. Вашингтон ожидал от Пекина его активной поддержки и принятия на себя довольно широкого круга обязательств. В частности, КНР предлагалось развеять опасения Запада, связанные с осуществляемой модернизацией Народно-освободительной армии Китая (НОАК), принять меры к сокращению огромного профицита в торговле с Америкой, соблюдать права интеллектуальной собственности, теснее сотрудничать с Соединенными Штатами в энергетической сфере и уменьшить сотрудничество с «недружественными» Западу режимами. Отмечая роль КНР в шестисторонних переговорах по ядерному разоружению Северной Кореи, Р. Зеллик также требовал китайского содействия либерализации этой страны. Чиновник призвал пекинское руководство поддерживать американскую политику и в отношении Ирана и Судана, а также выразил беспокойство по поводу действий Китая, направленных на усиление своих позиций в АТР. Наконец, были высказаны недвусмысленные предписания относительно необходимой трансформации политической системы самой КНР [4]. Однако Пекин достаточно прохладно отнесся к предложению Вашингтона. Тем не менее стороны начали работу в рамках объявленного Американо-китайского общеполитического диалога по ряду актуальных проблем двустороннего и многостороннего сотрудничества – по вопросам международной безопасности, политического планирования, контроля за вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), региональных проблем и т.д. [3, с. 115].

Вашингтон был крайне заинтересован в привлечении Пекина к решению актуальных проблем международной безопасности и нераспространения ОМУ. Так, после того как в 2006 году КНДР провела испытание межконтинентальных баллистических ракет «Тэпходон-2», Соединенные Штаты активизировали консультации с КНР на северокорейском направлении. Следует отметить, что на этот раз особых разногласий по поводу выработки единой позиции в отношении Северной Кореи у сторон не возникло. Пекин присоединился к другим членам ООН, настаивавшим на введении санкций в отношении Пхеньяна [5, с. 178].

Наряду с вопросами международной и региональной безопасности актуальной сферой сотрудничества двух стран являлись проблемы торгово-экономических отношений, которые к тому же тесным образом были связаны с развитием двусторонних отношений в целом. Известно, что США, на которые в середине 2000-х годов уже приходилось около четверти китайской торговли и трети иностранных инвестиций в Китай, стали играть решающую роль в осуществлении китайской модернизации. Поэтому в стратегическом плане Вашингтон рассчитывал на постепенную демократическую трансформацию китайской политической системы на основе глобальной рыночной взаимозависимости [6, с. 6]. Несмотря на обвинения Китая в различных нарушениях двусторонних торгово-экономических отношений США в значительной степени заинтересованы в успешном развитии КНР, поскольку это было выгодно для отдельных групп бизнес-сообщества Америки.

В декабре 2006 года был создан механизм Стратегического экономического диалога под председательством министра финансов США Г. Полсона и вице-премьера Госсовета КНР У И для обсуждения всего комплекса торгово-экономических отношений между двумя государствами – дефицит внешней торговли, тарифные и нетарифные барьеры, заниженный курс юаня, «агрессивные приобретения и слияния компаний», покупка Китаем долговых обязательств американского правительства и т.д. В итоге к концу 2006 года Вашингтон и Пекин были вовлечены в более чем тридцать различных диалогов [3, с. 112].

Довольно насыщенным в плане развития американо-китайских отношений стал 2007 год. Он был признан даже «одним из наиболее благоприятных». В частности, имел место ряд встреч, на которых стороны касались различных аспектов двустороннего сотрудничества. Например, в 2007 году стороны пошли на расширение взаимодействия в области энергетики путем подписания в Сан-Франциско китайско-американского меморандума о взаимопонимании по проблемам сотрудничества в этой сфере. В частно-

сти, предусматривалось расширение возможностей американских компаний в сфере экспорта в КНР оборудования и технологий, не наносящих ущерба окружающей среде [2, с. 6]. Кроме того, в июне в рамках саммита «большой восьмерки» в Германии и в сентябре во время саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Австралии прошли встречи лидеров двух стран, на которых был обсужден ряд моментов развития двусторонних отношений. Так, в ходе переговоров американская сторона вновь подтвердила нерушимость своих позиций относительно соблюдения статус-кво в Тайваньском проливе [5, с. 181–182].

Достаточно плодотворно Вашингтон и Пекин работали по северокорейской проблеме, когда благодаря КНР стало возможным привлечь КНДР к возобновлению в феврале 2007 года шестисторонних переговоров, в результате которых были достигнуты договоренности относительно закрытия ядерного реактора в Йонбене и приглашения в Северную Корею специалистов МАГАТЭ для осуществления необходимого контроля [5, с. 181].

Приемлемой для Вашингтона оказалась позиция Пекина и относительно иранской ядерной программы. После поддержки в марте 2007 года КНР Резолюции СБ ООН № 1747, которая предусматривала введение новых санкций в отношении Тегерана, не выполнившего требование предыдущей резолюции № 1737 о немедленном прекращении деятельности по обогащению урана, Соединенные Штаты усилили риторику относительно своего стремления объединить усилия с Китаем в деле укрепления и поддержания глобальной безопасности [5, с. 181].

Весьма значимыми событиями в развитии американо-китайских отношений в 2007 году стали мартовский визит в Китай председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала П. Пейса и ноябрьский визит в КНР министра обороны США Р. Гейтса. Их главными результатами стало достижение договоренности об открытии «горячей линии» между военными ведомствами двух стран. Стороны договорились также об активизации военных контактов на всех уровнях [2, с. 5, 8]. А в июне 2007 года в Сингапуре на конференции по вопросам безопасности в АТР Р. Гейтс даже предложил Китаю сотрудничество в создаваемой американцами системе противоракетной обороны [7, с. 261].

В январе 2008 года продолжились активные двусторонние контакты на уровне военных и внешнеполитических ведомств. Сначала с визитом в Пекине побывал глава Тихоокеанского командования США Т. Киттинг, встретившийся с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Го Босюном, начальником Генштаба НОАК Чэнь Биндэ и министром иностранных дел КНР Ян Цзечи. Американский представитель отметил наличие благоприятных условий для расширения двустороннего военного сотрудничества и выдвинул целый ряд предложений относительно развития контактов между США и КНР по линии военных ведомств, к которым китайские представители отнеслись весьма одобрительно. Затем состоялись встречи госсекретаря К. Райс и ее заместителя Д. Негропonte с главой китайского МИДа Ян Цзечи, в ходе которых американская сторона вновь подчеркнула приверженность политике «одного Китая» и высказалась против любых сепаратистских действий Тайбэя [2, с. 8].

На позитивной ноте прошла 10 августа 2008 года в Пекине и встреча Дж. Буша-мл. с Ху Цзиньтао в рамках визита президента США для участия в церемонии открытия пекинской Олимпиады-2008. Стороны остались довольны развитием двусторонних отношений. Их устойчивому развитию в последний год нахождения второй администрации Дж. Буша-мл. у власти сопутствовал ряд факторов. *Во-первых*, как справедливо отмечалось многими экспертами, накануне пекинской Олимпиады-2008 Китаю было невыгодно обострять отношения с Вашингтоном. Со своей стороны, Соединенные Штаты также несколько уменьшили традиционный поток претензий в адрес китайского руководства. Правда, весной 2008 года в Тибете произошли кровавые события, сопровождавшиеся человеческими жертвами, в результате чего некоторые западные лидеры призвали международное сообщество бойкотировать Олимпийские игры в Пекине. Однако Вашингтон ограничился лишь заявлением госсекретаря К. Райс о том, что китайским властям следует проявить сдержанность в отношении к протестующим, а обеим сторонам конфликта – воздержаться от насилия. Кроме того, несмотря на давление Конгресса США, администрация Дж. Буша-мл. подтвердила намерение президента присутствовать на Олимпиаде. Таким образом, относительно мягкая реакция американской администрации на события в Тибете сильно диссонировала с традиционной критикой США в нарушении прав человека в КНР. *Во-вторых*, состоявшиеся в 2008 году президентские выборы на Тайване принесли победу гоминьдану во главе с Ма Инцзю, что способствовало временному снятию напряженности вокруг тайваньской проблемы, поскольку заявления нового тайваньского руководства более импонировали Пекину, нежели провокационные высказывания находившегося до этого восемь лет у власти Чэнь Шуйбяня. *В-третьих*, изменение подхода Вашингтона к некоторым достаточно острым проблемам двусторонних отношений. Так, Соединенные Штаты выполнили требование КНР и удалили Китай из списка стран, в которых самая сложная ситуация с правами человека, в ежегодном докладе госдепартамента США о правах человека, что позволило возобновить правозащитный диалог между двумя государствами. *В-четвертых*, в первой половине 2008 года стороны сумели продвинуться в решении ряда важных направлений сотрудничества. Например, были возобновлены переговоры по не-

распространению ОМУ, стратегической безопасности, контролю над вооружениями, проблемам международной и региональной безопасности [5, с. 185–186].

Подобная атмосфера американско-китайских отношений сохранилась и в последние месяцы пребывания Дж. Буша-мл. в Белом доме, когда основной проблемой для Вашингтона стало нарастание сильнейшего финансово-экономического кризиса. Он стал главной темой телефонного разговора Дж. Буша-мл. с Ху Цзиньтао 22 сентября 2008 года. Несколько дней спустя Пекин даже выразил готовность оказать Вашингтону помощь в преодолении кризиса [8]. Кроме того, поскольку администрация Дж. Буша-мл. дорабатывала свои последние месяцы, никаких инициатив на китайском направлении Вашингтон не проявлял. В первую очередь, стороны подводили итог двустороннему взаимодействию за прошедший период. Так, 21 ноября 2008 года во время личной встречи с Дж. Бушем-мл. в ходе очередного саммита АТЭС в Лиме председатель КНР Ху Цзиньтао выразил признательность президенту США за усилия, приложенные им для позитивного развития двусторонних отношений. В ходе пятого раунда Стратегического экономического диалога 4–5 декабря в Пекине стороны констатировали значимую роль этого нового диалогового механизма в стимулировании сотрудничества между двумя странами. На шестом раунде Стратегического диалога в декабре Дай Бинго выразил надежду на плавный переход власти от администрации Дж. Буша-мл. к администрации Б. Обамы, а также на хорошее начало и дальнейшее развитие отношений между США и КНР [5, с. 187].

Таким образом, Вашингтон осознал важность конструктивного взаимодействия с Китаем на мировой арене в своих интересах. К тому же у США и КНР присутствовали общие интересы и идеи развития отношений. И даже в торгово-экономической сфере, несмотря на существовавшую в них напряженность, между сторонами постоянно проходили содержательные переговоры по многим направлениям. Пусть и не всегда они находили общий язык. Тем не менее у американского руководства общая оценка отношений с КНР выразилась в констатации их «стабильного и поступательного развития» [2, с. 2].

Американо-китайские противоречия и американская стратегия сдерживания КНР

Наряду с американско-китайским сотрудничеством двусторонние отношения в период работы второй администрации Дж. Буша-мл. не были лишены противоречий и конфликтных ситуаций. Так, первое свое недовольство Китаем Белый дом выразил уже весной 2005 года. Оно было связано с многолетней проблемой в американско-китайских отношениях – ситуацией вокруг Тайваня. В марте госдепартамент США выступил с резкой критикой принятого Всекитайским собранием народных представителей Закона о предотвращении раскола страны, который разрешал Пекину в одностороннем порядке решать возникающие вопросы между двумя сторонами пролива и оправдывал в случае необходимости нападение на Тайвань [5, с. 173]. Американское руководство посчитало такой шаг Китая деструктивным, особенно с учетом достигнутого в декабре 2004 года прогресса в двусторонних соглашениях. Поэтому Вашингтон придерживался мнения, что это значительно усилит напряженность в Тайваньском проливе. Кроме того, как полагали представители политико-академического сообщества США, данный закон усугубит контекст американско-китайского диалога по Тайваню, поскольку, например, может быть использован КНР для экстрадиции неугодных тайваньских политиков из других стран, в том числе и из США [9, с. 27–28]. Правда, довольно быстро возникшая напряженность в американско-китайских отношениях была снята. Дело в том, что нестабильный Афганистан, затяжная война в Ираке, вызовы мусульманского фундаментализма, ядерная проблема КНДР, потенциально «беспокоящий» Америку Иран, колебания европейских союзников, «проблемная» Россия, так и не ставшая «надежным» партнером, вынудили Вашингтон отрицательно отнестись к своей даже гипотетической вовлеченности в тайваньский конфликт. Поэтому американцы пришли к выводу, что воевать из-за Тайваня, даже отстаивая рубежи «свободного мира», они вряд ли готовы [9, с. 28]. Кроме того, американское руководство по-прежнему публично высказывалось против предоставления независимости Тайбэю и одобрительно отнеслось к визиту лидеров тайваньской оппозиции в КНР весной 2005 года, что также содействовало ослаблению создавшейся напряженности в отношениях [10].

Однако в январе 2006 года в результате очередных провокационных действий со стороны президента Тайваня Чэнь Шуйбяня в повестке дня американско-китайских отношений вновь дала о себе знать тайваньская проблема. Пекин выразил крайнее недовольство попыткой тайваньского лидера нарушить принцип «пяти заверений», озвученный им же во время инаугурации 2000 года, и дал об этом знать Вашингтону. Соединенные Штаты предприняли попытку снять возникшую остроту, направив в Тайбэй представителей Совета национальной безопасности и госдепартамента с целью убедить Чэнь Шуйбяня не провоцировать КНР [11, р. 3]. Несмотря на то, что выработанный в ходе консультаций американский вариант разрешения возникшей ситуации не удовлетворил Пекин, китайское руководство не стало нагнетать её еще больше [5, с. 177].

Стабилизация статус-кво Тайваня, безусловно, была более приемлема для США, чем откровенный, провокационный сепаратизм Тайбэя, способный вызвать кризис в отношениях между Вашингтоном и Пекином [12, с. 41]. При этом Вашингтон продолжил военно-политическое сотрудничество с Тайбэем. Еще в 2005–2006 годах США поставили Тайваню 4 эсминца класса «Кидд», оснащенные современными

боевыми системами [12, с. 36]. Пентагон 12 сентября 2007 года озвучил планы продажи Тайбэю очередной партии вооружений – 12 противолодочных самолетов «Орион» ПЗ-Си и 144 ракет ПВО на сумму в 2,2 млрд. долл. В ответ руководство КНР запретили заход кораблей ВМС США в китайские порты [5, с. 183]. А в конце своего пребывания у власти, 3 октября 2008 года, администрация Дж. Буша-мл. объявила о решении продать Тайбэю новую партию вооружений (противокорабельные ракеты «Пэтриот», ударные вертолеты «Апачи», ракеты «Гарпун Блок-2», управляемые ракеты и блоки прицельно-пускового оборудования «Джавелин») на сумму 6,5 млрд. долл. [13, с. 33]. Кроме того, в 2008 году в Конгрессе США предпринимались попытки протолкнуть Акт об усилении безопасности Тайваня, что вызвало очередное недовольство Пекина. Безусловно, восприятие политическим истеблишментом Соединенных Штатов Китая как конкурента и даже потенциального соперника обусловило стремление американцев сохранить Тайвань в качестве важного фактора в стратегии сдерживания КНР.

Периодически проявлялись противоречия сторон и по северокорейской ядерной проблеме, которая по-прежнему оставалась весьма актуальной для Соединенных Штатов. Вашингтон ожидал большего участия Пекина в ее решении. Весной 2005 года вторая администрация Дж. Буша-мл. активизировала контакты с Пекином в целях координации действий на северокорейском направлении после того, как Пхеньян сделал заявление об обладании ядерным оружием и выходе из переговорного процесса. Во время своего визита в Пекин в конце апреля 2005 года заместитель госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана К. Хилл даже пыталась убедить КНР надавить на КНДР, чтобы побудить Северную Корею вернуться за стол шестисторонних переговоров. Северокорейская тема стала центральной для обсуждения в телефонных разговорах между президентом Дж. Бушем-мл. и председателем Ху Цзиньтао 5 мая, а также между госсекретарем К. Райс и министром иностранных дел Китая Ли Чжаосином 2 июня. Однако на этот раз КНР не пошла на радикальные меры, предлагаемые госдепартаментом США, чем вызвала недовольство американцев. В частности, это проявилось в высказываниях вице-президента США Р. Чейни в студии телеканала CNN 30 мая, а также заявлении заместителя госсекретаря США Р. Джозеф в конце июня о том, что неспособность Пекина предпринять необходимые меры по данной проблеме может серьезно ухудшить американо-китайские отношения [14, р. 2–3]. Однако в конце июля 2005 года Пхеньян согласился возобновить шестисторонние переговоры, что тем самым сняло остроту в отношениях между Вашингтоном и Пекином относительно Северной Кореи.

С 2005 года США стали публично высказывать свое разочарование контртеррористическим сотрудничеством с КНР. По мнению Вашингтона, отдельные действия, которые Пекин определяет как контртеррористические, являются травлей уйгуров. Кроме того, США не включили Синьцзян в список террористически опасных мест, как не включили в официальный список террористических организаций Исламское движение восточного Туркестана и Исламскую партию Туркестана [15].

Серьезным раздражителем Вашингтона в годы второй администрации Дж. Буша-мл. был продолжающийся подъем КНР в военно-политической и экономической сферах. Соединенные Штаты опасались того, что реализация на практике китайской модели будет способствовать формированию новой структуры мироустройства и, таким образом, поставит под вопрос их глобальное лидерство [2, с. 3]. Подтверждение этому можно найти и в официальных документах США. Так, в «Стратегии национальной безопасности», принятой в 2006 году, указывалось на то, что ряд действий КНР вызывает у Соединенных Штатов озабоченность [16]. Известно, что основное концептуальное расхождение между США и Китаем заключалось в различных взглядах на существующий миропорядок: Вашингтон был нацелен на создание однополюсного мира под собственным руководством, в то время как Пекин выступал за многополярность. Кроме того, позиции США и КНР расходились в вопросах реформирования Совета безопасности ООН, а также развития ситуации на Ближнем Востоке и вокруг иранской ядерной программы.

Поэтому американская реакция на китайский подъем была понятна. В начале февраля 2005 года во время визита в Японию заместитель госсекретаря по контролю над вооружениями и по международной безопасности Дж. Болтон публично выразил недовольствие Вашингтона по поводу продолжавшихся продаж вооружений Китаю странами ЕС и Россией, а также экспорта ракетных технологий китайскими госкорпорациями таким странам, как Иран, Пакистан, Ливия и КНДР [5, с. 173–174].

На многочисленных заседаниях и слушаниях в Конгрессе США все чаще американские законодатели стали поднимать вопрос о том, что возрастающая военная мощь Китая представляет угрозу американским интересам в мире [5, с. 174]. Например, в июле 2005 года специальные слушания были посвящены вопросу перевооружения китайских ВМС и ВВС. Особое внимание эксперты обратили на разработку китайцами новой крылатой ракеты большой дальности, а также ввод в строй новых боевых кораблей, снабженных китайским аналогом американской системы управления огнем ИДЖИС, и появление новой атакующей подлодки класса «Юань» [17, с. 31]. В ноябре 2005 года в докладе Комиссии по рассмотрению экономических вопросов и проблем безопасности в американо-китайских отношениях при Конгрессе США указывалось, что негативные тенденции в двусторонних отношениях вредят долгосрочным интересам Соединенных Штатов в сферах безопасности и экономики, поскольку по многим позици-

ям цели и интересы двух стран не совпадают [18]. А министр обороны США Д. Рамсфельд обвинил Пекин в недостаточной прозрачности военных расходов.

В американо-китайских отношениях 2007 год начался с протестов американской администрации по поводу запуска 11 января с испытательными целями китайской баллистической ракеты, которая сбила старый китайский метеорологический спутник, находившийся на орбите высотой более 800 километров. Поэтому с новой силой проявилась тревога американцев по поводу модернизации вооруженных сил КНР. Действия Пекина были многими интерпретированы в Вашингтоне как китайский вызов Америке. Соединенные Штаты обратили внимание на то, что разработка и испытания такого оружия несовместимы с духом двустороннего сотрудничества [19].

В феврале 2008 года американо-китайские отношения оказались омрачены очередным «шпионским скандалом». Власти США объявили о задержании четырех человек, работавших, по их утверждению, на разведку КНР. Среди задержанных оказались высокопоставленный аналитик из Пентагона и трое американцев китайского происхождения. Сферами особых интересов всех подозреваемых были оружейные сделки между США и Тайванем и новейшие американские аэрокосмические разработки [2, с. 8].

Среди других заслуживающих внимания негативных моментов в американо-китайских отношениях следует упомянуть также неоднократные обвинения Вашингтона в адрес Пекина по поводу атак китайских «хакеров» на компьютерные сети Пентагона и других учреждений и организаций США [2, с. 7].

Другими словами, Соединенные Штаты увидели в Китае своего нового, в ближайшем будущем глобального конкурента, не оставившего идей коммунистической ортодоксии и наращивающего собственную военную и экономическую мощь в интересах ослабления мировых позиций Америки. Вместе с тем ни КНР, ни США все же не рассматривали друг друга в качестве прямой военной угрозы [6, с. 6].

В годы нахождения у власти второй администрации Дж. Буша-мл. американо-китайские отношения периодически омрачались и по иным причинам. Так, в конце апреля 2006 года из-за двух непредвиденных обстоятельств оказался омрачен государственный визит председателя КНР Ху Цзиньтао в Вашингтон. Вина за них целиком и полностью лежала на американской стороне. Во-первых, во время торжественной церемонии приветствия перед Белым домом под видом аккредитованной журналистки на церемонию попала сторонница секты «Фалуныгун» и своими криками прервала приветственную речь китайского лидера. Во-вторых, диктор Белого дома объявил китайский национальный гимн не как гимн КНР, а как гимн Китайской Республики [5, с. 177]. Более того, несмотря на обоюдосторонние заверения о единстве мнений относительно общих стратегических интересов Вашингтона и Пекина, американцы дали понять, что на данном этапе Китай для них далеко не самый главный партнер. С точки зрения достижения договоренностей данный визит оказался ничем не примечательным [5, с. 177].

В октябре 2007 года состоялся визит в Вашингтон Далай-ламы, в ходе которого прошли переговоры буддистского лидера с президентом США, а также награждение Тэндзина Гьятцо высшей государственной наградой Соединенных Штатов – Золотой медалью Конгресса. Считается, что этой чести духовный лидер тибетских буддистов удостоился за выдающийся вклад в пропаганду религиозного взаимопонимания и ненасилия, а также за многолетние усилия по защите прав человека. Пекин осудил визит Далай-ламы в Америку и был крайне недоволен действиями Вашингтона.

Однако Америка своими действиями продолжила провоцировать КНР. Поэтому очередной кризис в американо-китайских отношениях произошел в конце июля – начале августа 2007 года, когда на Западе развернулась кампания критики Пекина в связи с опубликованием доклада организации «Эмнисти Интернешнл» о нарушениях прав человека в КНР. Конгрессмены от обеих основных партий – Д. Рорабахер и М. Уотерс – внесли на рассмотрение комитета по международным делам палаты представителей проект резолюции с призывом бойкотировать Олимпиаду в Пекине [2, с. 5].

Отдельную проблему в отношениях между США и КНР составили вопросы энергетической безопасности. Хотя вектор основных политико-экономических интересов обеих стран ориентирован на обеспечение доступа к мировым ресурсам, свои энергетические интересы они понимают по-разному [2, с. 5]. Поэтому в 2000-е годы проблемы безопасности морских коммуникаций и путей поставок энергоносителей имели тенденцию к возрастанию и стали довольно конфликтотенным фактором их отношений.

Существенно обострил американо-китайские отношения в различных регионах планеты и стремительный выход Пекина на мировую арену. В XXI веке особенно активно Пекин стал развивать сотрудничество с государствами, к которым у Вашингтона имеется множество претензий – Ираном, Суданом, Зимбабве, Мьянмой, Венесуэлой, но которые представляют интерес для Китая. Соперничество между двумя ведущими мировыми державами в разных регионах стало производным от начавшегося в начале XXI века их глобального соревнования. Известно, что для успешного развития современным государствам требуется огромное количество минеральных и энергетических ресурсов. Свою потребность в энергетических ресурсах Китай может удовлетворить, только бросив вызов доминирующему положению Америки. Поэтому во второй половине 2000-х годов интенсивное соперничество КНР и США развернулось не только в традиционных, но и в новых регионах мира. Во второй половине 2000-х годов между

США и КНР обострилось соперничество за доступ к энергоносителям и путям их транспортировки. При этом как в США, так и КНР отлично понимают, что в случае блокады Ормузского пролива Китай может остаться без ближневосточной нефти, а в случае блокады Малаккского пролива – практически без всех энергоносителей.

Одним из новых регионов американо-китайского соперничества стала Африка. Если в 2006 году США импортировали из Африки 22 % нефти, то КНР – 28 %. Вместе с тем на долю Китая приходилось 9 % африканского экспорта нефти, тогда как на долю США – около 32 %. Однако КНР наращивал свой нефтяной импорт более быстрыми темпами, чем это делали Соединенные Штаты [20, с. 15].

Китай подвергся со стороны США обвинениям и в пособничестве реакционным и коррумпированным режимам, нарушающим права человека. Особенно резко Вашингтон критиковал политику КНР в Зимбабве и Судане. Например, американцы обвиняли Китай в том, что его заинтересованность в нефтяных ресурсах побуждает закрывать глаза на геноцид в Дарфуре [20, с. 19]. Соединенные Штаты выступали за принятие более жесткой резолюции Совета безопасности ООН, которая предусматривала ввод на территорию Судана миротворческого контингента вместо войск Африканского союза. Однако 31 августа 2006 года Пекин воздержался при голосовании по данной резолюции, за что был раскритикован Вашингтоном [5, с. 179]. Даже китайская помощь африканским странам трактовалась Америкой в негативном ключе как способствующая росту задолженности и без того обремененных долгами государств. В частности, Ангола и Зимбабве, которым Соединенные Штаты и вслед за ними МВФ и Мировой банк отказали в предоставлении не связанной условиями помощи, стали получать ее от Китая [21, с. 41].

Охватившая политические круги Соединенных Штатов тревога по поводу действий Пекина в Африке, выразилась в целом ряде выступлений по этому поводу. Так, по мнению конгрессмена Д. Пейна, действия Китая подрывают успехи США в борьбе с нищетой и за расширение своего влияния в Африке. В таком же ключе в июле 2005 года выступила на слушаниях в палате представителей Конгресса и представитель США в американо-китайской комиссии по экономическому сотрудничеству и проблемам безопасности К. Бартоломью [21, с. 41–42].

Активная внешняя политика Пекина в бассейнах Тихого и Индийского океанов толкнула Вашингтон на поиски наиболее эффективных средств сдерживания КНР. В октябре 2007 года США дали понять, что стремятся к постоянному присутствию в этом регионе [22]. Именно в таком контексте следует рассматривать взаимодействие Соединенных Штатов с Японией, Австралией, Индией, Филиппинами и другими государствами. Для уравнивания Китая Соединенные Штаты были заинтересованы в сохранении и создании новых альянсов в Азии. Кроме того, Вашингтон стал прилагать энергичные усилия, чтобы не только остановить рост влияния КНР, но и расширить свои возможности контроля над ситуацией в Юго-Восточной Азии. В первую очередь, упор был сделан на усиление американского военного присутствия в регионе. Четыре авианосные группы и почти 60 % всех американских ядерных подводных сил стали сосредотачиваться в акватории Тихого океана. В 2005 году начался перевод истребителей F-15 и бомбардировщиков B-2 с континентальных баз ВВС США на остров Гуам. Очевидно, что это стало ответом Вашингтона на растущую стратегическую угрозу со стороны КНР [17, с. 30].

Видно, что вторая администрация Дж. Буша-мл. столкнулась с китайским соперничеством за влияние в различных регионах мира. Однако оно носило скорее позиционный характер и редко приводило к кризисным ситуациям в американо-китайских отношениях.

Достаточно противоречий между США и Китаем приходилось на сферу экономических отношений. Уже в 2005 году произошло их обострение. Среди особо острых вопросов были огромный дисбаланс в американской торговле с КНР, вызванный, по утверждению Вашингтона, заниженным курсом китайского юаня по отношению к доллару, а также нарушение прав интеллектуальной собственности китайскими производителями. Весной этого года Соединенные Штаты пошли на обострение с КНР по причине недовольства ситуацией в области торгово-экономических отношений. Вашингтон постоянно предпринимал попытки убедить Пекин отказаться от искусственно заниженного курса, поскольку американские производители не уставали жаловаться на то, что китайский юань слишком дешев, и это дает дополнительное преимущество китайским экспортерам и создает огромный дефицит платежного баланса в США. Так, в апреле 2005 года впервые в истории американо-китайских отношений администрация Дж. Буша-мл. сама инициировала наступление на китайский импорт. В рамках соглашения с ВТО Вашингтон предпринял защитные меры против КНР с целью выяснения, наносит ли ущерб американским производителям существенное увеличение хлопчатобумажной продукции [23]. Кроме того, США усилили обвинения в адрес КНР в искусственной девальвации юаня в целях выигрыша конкуренции для своих товаров на мировом рынке. В итоге впервые за много лет китайские власти были вынуждены повысить курс своей валюты по отношению к доллару [3, с. 112]. Однако некоторое снижение напряженности, ставшее возможным в результате принятого Пекином 21 июля 2005 года решения относительно частичной либерализации валютного курса юаня, носило лишь временный характер. Соединенные Штаты продолжили давление на Китай в целях повышения курса юаня, поскольку заниженным курсом юаня Вашингтон объяснял огромный

дефицит США в американо-китайской торговле. Хотя, по мнению многих экспертов, в том числе главы Федеральной резервной системы США А. Гринспена, причина дефицита заключается не в заниженном курсе юаня, она носит более сложный характер. Выполнение американских требований способно дестабилизировать банковскую систему Китая и негативно отразиться на самих США [23].

Тем не менее только Конгресс 109-го созыва (2003–2006) рассмотрел 27 антикитайских законопроектов. Хотя ни один из них так и не был принят, вероятность реальных мер, направленных против Китая, возросла. Особую активность проявил двухпартийный тандем сенаторов Ч. Шумера и Л. Грэхама, который несколько лет играл ведущую роль при обсуждении «китайского вопроса» в Конгрессе. Именно они стали соавторами законопроекта, согласно которому КНР должна была облагаться штрафом в размере 27,5 % за то, что стоимость юаня именно на такой процент отставала от остальных мировых валют. Впоследствии сенатор Ч. Шумер признал, что это предложение было обычным отвлекающим маневром, чтобы заручиться поддержкой своих коллег по сенату. По его словам, у них и в мыслях не было, чтобы законопроект стал законом. Это был своеобразное предупреждение. Тем не менее Ч. Шумер и Л. Грэхам признали, что были шокированы, когда 67 сенаторов проголосовали за их предложение [24].

Серьезные противоречия сложились у сторон и на текстильном рынке. В 2005 году администрация Дж. Буша-мл. применила меры специальных защитных механизмов в отношении 16 наименований китайской текстильной продукции в связи с ее резким экспортным ростом на американском рынке. Лишь после пяти раундов сложных переговоров в ноябре 2005 года торговый представитель США Р. Портман и министр коммерции КНР Бо Силай подписали соглашение о поэтапном и дифференцированном расширении квот на 34 наименования китайской текстильной продукции в течение 2006–2008 годов [3, с. 111].

При второй администрации Дж. Буша-мл. произошли изменения в торгово-экономической политике США. Они проявились и в замене способа урегулирования американо-китайских противоречий. Так, вместо двустороннего диалога Америка все чаще стала прибегать к обращению в ВТО. Например, в феврале 2007 года Вашингтон подал иск в ВТО против промышленных субсидий КНР, которые поддерживали китайский экспорт промышленных товаров. На американские иски Китай реагировал по-разному: с одной стороны, он частично удовлетворял претензии Вашингтона, а с другой – давал понять, что такие действия США могут нанести вред двусторонним отношениям и торговле [5, с. 180].

В торгово-экономических отношениях с Китаем Вашингтон не чурался использовать политику санкций в отношении китайских компаний и ограничений на продажу их продукции, если считал это выгодным для себя. Особенно это касалось сфер, связанных с экспортом военной продукции или технологий двойного назначения. Типичным является пример с попыткой европейских государств возобновить военно-техническое сотрудничество с КНР. С момента возникновения вопроса об отмене эмбарго ЕС администрация США активно противодействовала этому. Европейские государства ощутили на себе достаточно сильное давление со стороны Америки. Так, госсекретарь США К. Райс в феврале 2005 года предупредила Европу, что отмена эмбарго на продажу оружия Китаю дезориентирует Пекин в его взглядах на ситуацию с правами человека в этой стране. По ее мнению, если запрет на продажу оружия будет отменен, это может активизировать закупку оружия Китаем и спровоцирует тем самым напряженность в АТР [25, с. 316]. Кроме того, Белый дом заявил, что снятие эмбарго на поставки вооружений в КНР негативно отразится на единстве трансатлантической системы сотрудничества. Еще в начале 2005 года сенатор Р. Лугар подчеркнул, что «военно-техническая кооперация между США и их европейскими союзниками может оказаться под угрозой в случае заключения европейскими партнерами коммерческих договоров с Китаем. А сенатор Дж. Байден назвал европейские инициативы «неудачной идеей» [25, с. 316].

Еще одним острым вопросом, по-прежнему находившимся на повестке дня американо-китайских отношений, оставался вопрос о соблюдении прав интеллектуальной собственности. В начале апреля 2007 года США подали два иска против Китая в ВТО, в которых обвиняли Пекин в бездействии относительно нарушений прав интеллектуальной собственности и в сохранении торговых барьеров для защищенной авторскими правами американской продукции сферы развлечений [5, с. 180]. А в отчете Комиссии по рассмотрению экономических вопросов и проблем безопасности в американо-китайских отношениях за 2007 год Китай обвинялся в нарушениях авторских прав, создании протекционистских барьеров и ограничений доступа американской продукции (особенно в сфере развлечений) на китайский рынок [26]. Так, согласно Торговой палате США, ежегодные убытки американских компаний от нарушений прав интеллектуальной собственности составляли в рассматриваемый период от 200 до 250 млрд. долл., и значительная часть нарушений приходилась на Китай [7, с. 262].

После промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2006 года Вашингтон пошел на ужесточение своего подхода к торгово-экономическим отношениям с КНР. В конце марта 2007 года Соединенные Штаты приняли ряд антидотационных мер в отношении китайской продукции. Введение Министрством торговли США двадцатипроцентного тарифа на импорт из Китая глянцевого бумажного стало первым с 1984 года случаем обложения товаров из государства с нерыночной экономикой антидотационными пошлинами [5, с. 179–180]. А 15 июня 2007 года министр торговли США К. Гутьеррес объявил об

ужесточении контроля над экспортом в Китай некоторых видов высокотехнологичной продукции, и прежде всего тех, которые могут быть использованы в военных целях [2, с. 7].

В январе 2008 года группа конгрессменов преимущественно из республиканской партии представила в Конгрессе очередной законопроект по регулированию экспорта товаров и технологий двойного назначения. Авторы документа преследовали главную цель – разработать жесткий механизм наложения ограничений на экспорт вооружений в государства, причастные к распространению ОМУ [25, с. 310–311].

В целом в годы нахождения у власти второй администрации Дж. Буша-мл. между Вашингтоном и Пекином по-прежнему имели место противоречия, что объяснялось разными подходами сторон к проблемам двустороннего и многостороннего развития отношений.

Заключение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что китайская политика Вашингтона в рассматриваемый период по-прежнему сочетала в себе как элементы сотрудничества, так и сдерживания. Вторая администрация Дж. Буша-мл. стремилась привлечь Пекин к более тесному сотрудничеству с Западом в целях решения актуальных международных проблем и сглаживать напряженные моменты в отношениях с ним. В частности, используя стратегию вовлечения, Соединенные Штаты стремились углубить американо-китайский диалог по стратегическим и экономическим вопросам путем создания специальных механизмов. Тем не менее имеющиеся в двусторонних отношениях противоречия, а также независимый внешнеполитический курс КНР вынуждали США применять стратегию сдерживания, всячески пытаясь не допустить появления опасного конкурента.

За годы второго президентства Дж. Буша-мл. отчетливо проявилось несоответствие между активным поступательным развитием двусторонних торгово-экономических отношений и ростом взаимной подозрительности Вашингтона и Пекина друг к другу в политической и военной сферах. В своих публичных выступлениях американское руководство акцентировало внимание на потенциальных сферах двустороннего сотрудничества, на наличии широкого круга общих интересов глобального и регионального характера, на готовности обоих государств развивать партнерские отношения. Однако официальная риторика руководства двух государств не могла скрыть серьезных противоречий, систематически проявляющихся и приводящих к напряженности и кризисам во взаимодействии двух держав. В целом же в годы президентства Дж. Буша-мл. отношения между США и КНР приобрели позитивную динамику и стали характеризоваться как наилучшие за свою многолетнюю историю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Friedberg, A. Are We Ready for China / A. Friedberg // Commentary. – 2007. – Vol. 124, № 3. – P. 39–43.
2. Давыдов, А. США – КНР: партнерство или соперничество? / А. Давыдов // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 6. – С. 2–9.
3. Тимофеев, О.А. Американо-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции / О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.
4. Zoellick, R. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S. – China Relations. September 21, 2005 / R. Zoellick // National Committee on U.S. – China Relations [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ncuscr.org/files/2005Gala_RobertZoellick_Whither_China1.pdf. – Date of access: 03.08.2014.
5. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
6. Михеев, В. Внешняя политика Китая при новом руководстве / В. Михеев // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 12. – С. 2–9.
7. Курнишова, Ю.В. Американо-китайське суперництво на сучасному етапі: тенденції та особливості / Ю.В. Курнишова // Стратегічні пріоритети. – 2009. – № 2(11). – С. 257–265.
8. Zakaria, F. Chinese Prime Minister Wen Jiabao Interviewed / F. Zakaria // Newsweek [Electronic resource]. – 2008. – September 29. – Mode of access: <http://www.newsweek.com/2008/09/28/we-should-join-hands.html#>. – Date of access: 03.08.2014.
9. Труш, С.М. Отношения США – Китай: события, мотивации, глобальный контекст / С.М. Труш // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 2. – С. 25–42.
10. Wang, Jisi. China's Search for Stability with America / Jisi Wang // Foreign Affairs [Electronic resource]. – 2005. – September/October. – Vol. 84, № 5. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/61019/wang-jisi/chinas-search-for-stability-with-america>. – Date of access: 25.05.2014.
11. Snyder, C. US Officials Hint at Meeting with Chen / C. Snyder // Taipei Times. – 2006. – February 24. – P. 3.
12. Ларин, А. К итогам всеобщих выборов на Тайване. Настало время перемен? / А. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 3. – С. 35–42.

13. Трифонов, В. Тайваньский вопрос на современном этапе / В. Трифонов // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 3. – С. 28–36.
14. Glaser, B. U.S. – China Relations: Disharmony Signals End to Post-Sept. 11 Honeymoon / B. Glaser, J. Skanderup // Comparative Connections [Electronic resource]. – 2005. – July. – Vol. 7, № 2. – Mode of access: http://csis.org/files/media/csis/pubs/0502qus_china.pdf. – Date of access: 03.08.2014.
15. Tiezzi, Sh. Can the U.S. and China Cooperate to Fight Terrorism? / Sh. Tiezzi // The Diplomat [Electronic resource]. – 2014. – May 3. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/05/can-the-u-s-and-china-cooperate-to-fight-terrorism>. – Date of access: 24.05.2014.
16. The National Security Strategy, March 2006 // The White House [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>. – Date of access: 11.03.2014.
17. Мосяков, Д. США – Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии / Д. Мосяков // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 7. – С. 30–33.
18. 2005 Report to Congress of the U.S. – China Economic and Security Review Commission (Washington, DC: Government Printing Office, November 2005) // The U.S. – China Economic and Security Review Commission [Electronic resource]. – Mode of access: www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2005-Report-to-Congress.pdf. – Date of access: 15.05.2014.
19. Gill, B. China's Space Odyssey: What the Antisatellite Test Reveals About Decision-Making in Beijing / B. Gill, M. Kleiber // Foreign Affairs [Electronic resource]. – 2007. – May/June. – Vol. 86, № 3. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/62602/bates-gill-and-martin-kleiber/chinas-space-odyssey-what-the-antisatellite-test-reveals-about-d>. – Date of access: 19.09.2014.
20. Дейч, Т.Л. «Большая игра»: Китай и США на африканских сырьевых рынках / Т.Л. Дейч // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 8. – С. 15–20.
21. Вишневский, М. Вашингтон – Пекин: новое соперничество в Африке / М. Вишневский // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 11. – С. 40–45.
22. Kaplan, R.D. Center Stage for the 21st Century / R.D. Kaplan // Foreign Affairs [Electronic resource]. – 2009. – March/April. – Vol. 88, № 2. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/64832/robert-d-kaplan/center-stage-for-the-21st-century>. – Date of access: 09.07.2014.
23. Hughes, N.C. A Trade War with China? / N.C. Hughes // Foreign Affairs [Electronic resource]. – 2005. – July/August. – Vol. 84, № 4. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60825/neil-c-hughes/a-trade-war-with-china>. – Date of access: 03.08.2014.
24. Маслов, О.Ю. Третья американо-китайская война и Первая глобальная Великая депрессия XXI века / О.Ю. Маслов // Независимое Аналитическое Обозрение [Электронный ресурс]. – 2008. – 19 янв. – Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2008/01/19/warusachina3/>. – Дата доступа: 29.09.2014.
25. Седляр, Ю.О. Міжнародні санкції у світовій політиці: теорія і практика / Ю.О. Седляр. – Миколаїв: Чорноморський державний університет ім. П. Могили, 2013. – 412 с.
26. 2007 Report to Congress of the U.S. – China Economic and Security Review Commission (Washington, DC: Government Printing Office, November 2007) // The U.S. – China Economic and Security Review Commission [Electronic resource]. – Mode of access: www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2007-Report-to-Congress.pdf. – Date of access: 28.07.2014.

Поступила 04.11.2014

THE U.S. POLICY TOWARDS CHINA DURING THE FIRST GEORGE W. BUSH PRESIDENCY: RIVALRY OR COOPERATION

A. KOSOV

The article considers evolution of foreign policy of the USA towards China during the second George W. Bush presidency. The major factors and reasons of relative success the Chinese vector in the foreign policy of the U.S. in 2005–2008 are analyzed. Focus one's attention on basic motive forces of Washington foreign policy. First of all approaches of the U.S. administration and the Congress to China are shined. In article political and military-political components of a strategic course of Washington concerning the People's Republic of China are characterized, trade and economic interaction, and also an existing problems between two states is considered. It is emphasized that the foreign policy of the United States in the 2005–2008 quite effectively combined elements of involvement of China in world affairs and at the same time its control in the military-political sphere. The conclusion about relative success of foreign policy of the USA on the Chinese direction during the considered period is drawn.